

T.B. Попова

Из опыта работы над коллективным трудом «Восточнославянские изоглоссы»

В Институте русского языка РАН с конца 80-х гг. XX в. велась работа над коллективным научным проектом «Восточнославянские изоглоссы»¹ (далее – ВСИ). К настоящему времени вышло четыре выпуска этого труда (ВСИ-1 1995, ВСИ-2 1998, ВСИ-3 2000, ВСИ-4 2006). В печати уже был дан предварительный анализ некоторых результатов указанного исследования, в частности, сформулированы выводы, относящиеся к характеристике современной дифференциации восточнославянского диалектного континуума (Попова 2007).

В настоящей статье также рассматриваются отдельные итоги работы над трудом «Восточнославянские изоглоссы», но касаются они, в основном, теоретических и методологических проблем исследования восточнославянских диалектов. Кроме того, в конце статьи приводится сгруппированное по тематическим разделам содержание всех четырех выпусков ВСИ.

Как известно, впервые четко сформулированная идея об актуальности лингвогеографического изучения диалектов восточнославянских языков в своей совокупности была высказана Р.И. Аванесовым в 1958 г. на IV МСС в Москве (Аванесов, Бернштейн 1958: 3). Однако начало ее реализации приходится лишь на вторую половину 80-х гг. прошлого столетия. Такой длительный перерыв между замыслом и реальным его воплощением был обусловлен тем, что непосредственная работа над ВСИ могла состояться только после опубликования трех восточнославянских диалектологических атласов – русского (ДАРЯ), украинского (АУМ) и белорусского (ДАБМ) – (см. подробнее в Бромлей 1985; ВСИ-1 1995: 3-4; Попова 2007).

Для ВСИ ценность материалов, содержащихся в ДАРЯ, АУМ и ДАБМ, определялась прежде всего следующими двумя факторами. Во-первых, на картах всех трех атласов представлен *одинаковый синхронный срез* диалектного состояния русского, украинского и белорусского языков (середина XX в.). Во-вторых, *совокупность* русских, украинских и белорусских диалектов вместе взятых реализует *единый и целостный восточнославянский диалектный континуум*. Именно указанные факторы обусловили и определили объект исследования в коллективном труде ВСИ – это современные диалектные явления разных уровней языка, реализованные в своих локальных вариантах и характеризующие *восточнославянское* некодифицированное лингвистическое пространство.

¹ О начальном периоде реализации этого научного труда см. в (ВСИ-1 1995: раздел «Введение»).

Важно подчеркнуть, что в настоящем труде данные явления были *впервые в славистике* проанализированы в лингвогеографическом, описательном и историческом аспектах с учетом их *восточнославянской* значимости. При этом интерпретация собрания диалектов трех восточнославянских языков в качестве *единого и целостного объекта лингвогеографического исследования* имела при анализе всех отобранных явлений принципиальное значение (см. ниже).

Основное внимание в ВСИ было уделено изучению отдельных *конкретных* явлений из области фонетики, морфонологии, морфологии, синтаксиса и лексики. В то же время целый ряд вопросов *общего* характера (например, таких, как: выявление закономерностей и типологии пространственного соотношения ареалов разных явлений; интерпретация совпадения рисунка изоглосс архаических явлений и новообразований; объяснение происхождения одинаковых явлений в локально удаленных друг от друга говорах; извлечение диахронической информации из данных лингвогеографии и в связи с этим разработка методики чтения лингвистической карты и др.) не получил удовлетворительного (развернутого) решения в рамках ВСИ². Важно отметить, что именно наличие подобных, нуждающихся в дополнительном исследовании и переосмыслинении, проблем, которые были выявлены в процессе работы над ВСИ, свидетельствует о необходимости и актуальности дальнейшего изучения восточнославянских диалектов – и не только в лингвогеографическом аспекте, но и в комплексе с другими смежными науками³.

Работа над ВСИ показала, что лингвогеографическое исследование восточнославянских диалектных явлений очень перспективно. Оно характеризуется чрезвычайно широкой сферой применения и позволяет: а) представить типологическую характеристику современного (середина XX в.) диалектного ландшафта Восточной Славии; б) выявить инновационные и архаические зоны в данном ареале; в) раскрыть пути развития во времени и в пространстве того или иного явления; г) определить и объяснить сходства и различия между восточнославянскими диалектами. Кроме того, без результатов лингвогеографического исследования восточнославянских диалектов вряд ли можно найти ответ на вопрос о том, в какой степени статус отдельного современного восточнославянского языка (русского, украинского и белорусского) обусловлен как собственно структурно-лингвистическими, так и экстравалингвистически-

---

² Отчасти некоторые вопросы, связанные с интерпретацией лингвогеографических данных, которые содержатся в картах и комментариях ВСИ, нашли отражение в ряде статей (см., например, Клепикова 2006; Попова 2006; 2006а; 207; Букринская, Кармакова 2003 и др.).

³ В настоящее время российские и украинские диалектологи продолжают разноаспектное изучение восточнославянских диалектов (грант совместного научно-исследовательского проекта РГНФ – НАН Украины № 09-04-00557а/U «Восточнославянские диалекты в лингвогеографическом аспекте. Теория и практика исследования»).

ми причинами. Очевидно также, что интенсификация лингвогеографического исследования восточнославянских диалектов может, во-первых, значительно расширить область применения лингвогеографических данных (например, при изучении закономерностей развития некодифицированной разновидности литературных восточнославянских языков), во-вторых, *активизировать* их использование в других научных направлениях, традиционно использующих достижения лингвогеографии (например, в этимологии, в славянской исторической диалектологии и под.), и, наконец, определить значимость и место восточнославянских диалектов в контексте всего общеславянского диалектного континуума.

Лингвогеографический аспект исследования в ВСИ требует непременной предварительной систематизации и переосмыслиния диалектных данных русского, украинского и белорусского языков в рамках восточнославянского континуума. Именно такой подход к восточнославянскому диалектному материалу дает возможность определить диалектные/языковые контакты в прошлом и настоящем, найти архаические и инновационные восточнославянские зоны, выявить основные принципы членения восточнославянского пространства. В целом все это необходимо для разработки целого ряда кардинальных вопросов восточнославянского глоттогенеза и этногенеза, многие из которых еще не получили в славистике удовлетворительного решения.

Оригинальность поставленных в ВСИ задач, одна из которых направлена на поиск новых лингвогеографических (ареалогических) доказательств в изучении фундаментальных и до сих пор, как указывалось выше, остающихся дискуссионными проблем современной славистики, обусловлена *принципиально новой интерпретацией* исходного диалектного материала, которая заключается в следующем. Совокупность (собрание) диалектов русского, украинского и белорусского языков рассматривается в этом труде в качестве *отдельной сложной языковой/диалектной системы* (макросистемы, диасистемы или *системы диалектного языка*, которые представляют собой научное построение, т.е. конструкт). Структура этой системы состоит из общих (постоянных) для всех диалектов и варьирующихся (т.е. различающихся в отдельных частных диалектных системах – ЧДС) звеньев. Именно варьирующиеся по диалектам признаки (звенья) и составляют объект лингвогеографического анализа⁴. Однако все восточнославянское диалектное

⁴ Необходимо напомнить, что описанная модель структурных и системных отношений была сформулирована Р.И. Аванесовым для собрания диалектов лишь *одного – русского – языка*, но она оказалась продуктивной и для диалектов *ряда родственных языков* (а именно – всех славянских языков, как в «Общеславянском лингвистическом атласе», или трех восточнославянских языков, как в ВСИ). Иными словами, диалекты того или иного собрания родственных языков в своей совокупности также могут быть интерпретированы как единая, но более сложная система (по сравнению с системой одного языка), т.е. «система систем», или «диалектный язык». В докладе, посвященном принципам ОЛЯ (эти принципы можно

пространство в совокупности всех своих как переменных, так и постоянных признаков может быть интерпретировано как *единий и целостный объект лингвогеографического исследования*.

Применение и использование на практике (т.е. при картографировании) такого понятия как *соответственное явление* при изучении диалектных различий в восточнославянском диалектном континууме является гарантией того, что карты в ВСИ не являются простой суммой однозначных карт из трех национальных атласов (русского, украинского и белорусского), а представляют собой *карты особого типа*, на которых территориальное распространение членов соответственного явления переосмыслено в аспекте его функционирования в рамках всего современного восточнославянского диалектного континуума как *целого*. Ср. справедливое замечание о том, что объединение разных языков/диалектов в единый объект лингвогеографического анализа ни в коем случае «не означает простого суммирования диалектных различий, представленных на национальных картах. Принципиально может меняться состав актуальных диалектных различий. Явления, не имеющие дифференцирующего значения в рамках одного языка, при расширении картографируемой территории становятся компонентом диалектного различия, реализующегося на этой территории» (Калнынь 2002: 11).

Такой подход позволил впервые в славистике не только проанализировать в лингвогеографическом аспекте диалектные явления всех трех восточнославянских языков вместе взятых, но и провести изоглоссы, не ограниченные рамками отдельных языков. Это дало возможность, с одной стороны, доказать единство и целостность современного восточнославянского диалектного пространства, а с другой, – наглядно представить его дифференциацию (см. также Попова 2006).

Принципиальное значение в научном труде ВСИ придается специфической интерпретации диалектных признаков, характеризующих восточнославянское диалектное пространство и изучаемых в рамках этого пространства:

отнести и к ВСИ), Р.И. Аванесов писал: «Предметом картографирования в общеславянском лингвистическом атласе являются соотносительные элементы разных языковых систем в отличие от лингвистического атласа одного языка, диалекты которого составляют одну систему, где поэтому предметом картографирования по большей части являются соотносительные элементы данной системы» (Аванесов, Бернштейн 1958: 14). Практика работы над ОЛА и ВСИ показала, что данный метод лингвографии, примененный первоначально к изучению диалектной системы одного языка (характеризующейся общими и разными типами варьирующихся звеньев), может быть распространен и на изучение диалектов *нескольких языков*; вот почему такая «лингвистическая география имеет дело с соотносительными элементами системы языка, образующими междиалектные или межязыковые различия» (Там же 15). Поэтому в ВСИ в качестве важного приема лингвогеографического исследования восточнославянских диалектных различий используется понятие «*соответственное явление*», разработанное Р.И. Аванесовым первоначально для одного лишь русского языка, а в дальнейшем успешно употребляемое при картографировании соотносительных элементов во всех славянских диалектах (ОЛА).

все указанные общие (или постоянные) и вариативные (или переменные) признаки имеют только *один* статус – статус *диалектных* признаков, характеризующих единый, не расчлененный на отдельные языки *восточнославянский диалектный континуум*. В этом континууме в характеристике любого явления информация о его принадлежности тому или иному языку является нерелевантной; здесь каждое из явлений имеет только одну значимость – значимость *диалектного восточнославянского явления*. В результате все принадлежащие восточнославянскому диалектному континууму признаки по своему статусу отличаются от тех, которые рассматриваются в *границах отдельных языков*: они также являются диалектными, но имеют еще и языковую характеристику – по своей конкретной принадлежности одному из восточнославянских языков⁵. В наибольшей степени продуктивность и практическая значимость введения понятия *восточнославянского диалектного признака* (противопоставленного понятиям *русского, украинского или белорусского диалектных признаков*) проявилась при исследовании диалектной ситуации в зонах пограничий – украинско-белорусского, русско-белорусского, русско-украинского, русско-украинско-белорусского (см. все карты и комментарии в ВСИ, а также Букринская и др. 2008; Попова 2008).

Итак, в ВСИ предметом анализа являются диалектные различия, характеризующие диалекты русского, украинского и белорусского языков вместе взятых. В своей совокупности они рассматриваются в качестве единого диалектного континуума, образующего самостоятельный (целостный) восточнославянский *ареал*, а сами признаки при этом утрачивают свою квалификационную языковую характеристику. Поэтому важно учитывать, что в отличие от лингвогеографического изучения диалектов каждого из восточнославянских языков (в ДАРЯ, АУМ и ДАБМ), образующих свои *отдельные ареалы* со специфическими особенностями (например, в отношении расположения периферийных зон и инновационных центров и тех признаков, которые выделяют эти зоны), изучение единого *восточнославянского ареала* выявляет *иное* распределение и соотношение *своих* (восточнославянских) периферийных зон (ср., например, наличие одинаковых признаков в крайних северо-восточной и юго-западной зонах) и *своего* инновационного центра. Причем для определения данных зон в восточнославянском ареале в качестве релевантных выступают уже другие признаки, как правило, не задействованные при выделении зон

⁵ Однако ср. также точку зрения С.В. Бромлей на соотношение языковых и диалектных признаков в рамках восточнославянского диалектного пространства: «Целый ряд различительных восточнославянских явлений невозможно квалифицировать ни как языковые, т.е. противопоставляющие отдельные восточнославянские языки, ни как диалектные, т.е. различительные только в пределах отдельных восточнославянских языков (подчеркнуто мной – Т.П.). Это является главным лингвогеографическим критерием, позволяющим на основе синхронных характеристик квалифицировать восточнославянские языки как самостоятельный и целостный объект лингвогеографии» (Бромлей 1985: 177).

в русском, украинском или белорусском ареалах. (Заметим, кстати, что при включении восточнославянского ареала в максимально большой общеславянский ареал наблюдается определенное перераспределение периферийных зон и зоны центра; например, на многих картах ОЛА вся территория русского языка представляет собой типичную восточную периферию и т.п.).

На известную относительность выделения зон (центральных, периферийных...) в тех или иных ареалах, рассматриваемых через призму разных, различающихся по величине, территорий, указывал в свое время О.Н. Трубачев: «Вопрос о древнем среднеднепровском ареале славян продолжает стоять и сохраняет свое значение, особенно как исходный ареал для дальнейшего развития собственно восточного славянства. Однако не исключено, что для каких-то предшествующих периодов среднеднепровский ареал славян был лишь частью (периферии) более крупного, иначе *локализованного пространства* (курсив мой. – Т.П.)» (Трубачев 1983: 248). Поэтому на каждой из территорий, занятой диалектами либо русского, либо украинского, либо белорусского языков и представляющих свои отдельные ареалы, конфигурация, лингвистическая характеристика и географическое положение разных *диалектных зон* (периферийных, центральных, переходных) в этих ареалах не всегда будет совпадать в территориальном и содержательном аспектах с разными типами *диалектных зон*, но уже *иных*, выделяемых в рамках единого восточнославянского ареала⁶. Очевидно, что различными должны быть и обусловленные лингвогеографическими закономерностями *диалектные ландшафты*, которые характеризуют, с одной стороны, единый (в лингвистическом плане) и, главное, целостный (в территориальном отношении) *восточнославянский ареал*, а с другой, – лингвистически единые, но подчас искусственно ограниченные в территориальном плане (как правило, по экстраполингвистическим аргументам) *ареалы* – отдельно – *русского, украинского и белорусского языков*.

Включение того или иного диалектного явления, исследованного ранее на материале лишь одного восточнославянского языка, в рамки всего восточнославянского континуума, имеет очень важное значение для получения наиболее адекватной его характеристики⁷. Отсюда следует, что в результате картографирования явлений на *большой территории* (речь идет о восточнославянском пространстве) обнаруживаются такие аргументы, которые позволяют по-новому интерпретировать известные уже науке факты.

⁶ Итак, подчеркнем, что в любом *ареале*, территориально объединяющем определенную совокупность говоров и представляющем единую и целостную лингвогеографическую категорию, могут быть выделены *частные ареалы*, или *диалектные зоны*, характеризующие именно *данний ареал*.

⁷ Важно еще раз напомнить, что в ВСИ исследовались те явления, которые можно считать наиболее значимыми и информативными с точки зрения сравнительной характеристики восточнославянских диалектов, определения их контактов в прошлом и настоящем, нахождения архаических, инновационных и периферийных зон восточнославянского диалектного континуума, а также членения восточнославянской языковой области.

Карты и комментарии ВСИ показали, что только большая территория в сочетании с определенным набором диалектных различий и анализом расположения и конфигурации диалектных зон дает возможность по-иному оценить и тенденции развития диалектного явления, и связи его с другими явлениями, а также позволяет переосмыслить традиционные представления об истории формирования некоторых особенностей каждой из диалектных зон восточнославянского диалектного пространства. Ср. справедливое замечание о том, что «картографирование диалектов на большом пространстве, охватывающем несколько языков, придает диалектной карте статус особого источника лингвистической информации. Для того, чтобы адекватно оценить эту информацию, в ряде случаев надо критически отнестись к традиционно установленвшимся представлениям об истории отдельных языковых явлений и о складывании диалектной дифференциации отдельных регионов» (Калнынь 1998: 57). Важность и результативность исследования диалектных явлений на большой территории убедительно доказала и работа над таким научным проектом, как ОЛА. Нельзя не согласиться с Т.И. Вендиной, которая пишет: «Картографирование языкового материала на огромном пространстве тетра Slavia придает картам Атласа статус особо ценного источника лингвистической информации, так как чем больше территория, тем надежнее информация о специфике диалектного ландшафта и вероятнее получение новых сведений. Поэтому ОЛА является уникальным научным проектом, имеющим своей целью изучение славянского континуума и тех языковых процессов, которые протекали в древности и протекают в славянских диалектах сегодня» (Вендина 2009: 11).

Подчеркивая одну из характеристик исследования диалектных явлений в пространственном аспекте, Р.И. Аванесов обращал внимание на то, что «лингвистическая география имеет дело с сосуществующими современными фактами языка на разных территориях. Однако она имеет право на существование едва ли не ввиду ее *исключительно большого значения для генетического, диахронического языкоznания* (курсив мой – Т.П.)» (Аванесов, Бернштейн 1958: 4). Позднее он специально отмечал, что «вывести историю языковых явлений и диалектов» можно лишь при условии, «если одновременно с территориальным распространением языкового явления изучается внутренняя история данного явления во всех его разновидностях, учитывается относительная хронология языковых явлений, используются данные языка письменных памятников и все эти языковые данные сопоставляются с данными истории, материальной культуры, исторической географии, археологии разных эпох» (Вопросы 1962: 25). Поэтому диалектологическая карта (как основной объект исследования в ВСИ), на которой представлено то или иное явление в пространственной проекции, в ареалогическом плане может рассматриваться как отражение фрагмента исторического процесса столкновения и смешения языковых потоков различной хронологии и географической прикрепленности/на-

правленности⁸. Карты ВСИ достаточно убедительно свидетельствуют о том, что истоки многих современных восточнославянских диалектных различий следует искать в глубокой древности – в правосточнославянских (племенных) диалектах.

В связи со сказанным, в ВСИ уделяется большое внимание *комментариям*, в которых дается интерпретация, как правило, сложной картины синхронного соотношения диалектных зон (или ареалов) различных типов (компактных, размытых, кружевых, островных и т.д.), имеющих свою определенную локализацию и лингвистическую характеристику. На основании лингвогеографического анализа диалектного материала и использования (к сожалению, еще достаточно фрагментарно) некоторых исторических данных в работе делаются определенные заключения, относящиеся не только к собственно географическому распределению различных соотносительных явлений (диалектных вариантов), но и к истории их возникновения. Именно в комментариях и содержится основная информация о картографируемых явлениях, поскольку сама по себе лингвогеографическая карта, как указывалось выше, «мертва и схематична»⁹ (Аванесов 1952: 270).

Вот почему одна из особенностей ВСИ как лингвогеографического труда заключается в том, что главным принципом в работе над ним является *интерпретационный аспект*. Кстати, такой аспект всегда был присущ лучшим работам диалектологов школы Р.И. Аванесова. Ср., например, описание В.Г. Орловой задач и методов исследования диалектных материалов в трудах по лингвогеографии: «Интерпретация лингвогеографических данных приводит к постановке определенных вопросов генетического характера, касающихся как происхождения самих явлений, так и, главное, формирования

⁸ Еще в 1952 г. Р.И. Аванесов писал: «Лингвистическая карта сама по себе мертва и схематична. Но она может озарить ярким светом историю языка, может помочь установить пути развития явлений, время и первоначальную территорию их возникновения, если мы умело ею воспользуемся, если одновременно с данными лингвистической географии мы будем изучать внутреннюю историю развития языковых явлений, учитывать их относительную хронологию, данные письменных источников, если при этом мы будем рассматривать все эти языковые данные в тесной связи с данными истории, исторической географии и археологии... Внутреннюю историю языкового явления нельзя себе представить вне его пространственной проекции – вне отражения на определенной территории разных звеньев процесса его внутреннего развития, относящихся нередко к разному времени (подчеркнуто везде мной – Т.П.)» (Аванесов 1952: 27). Ср. также: «...диалектная карта, демонстрируя реальные факты языка и территории, обладает потенциальной диахронической информацией» (Калнынь 1998: 13).

⁹ Действительно, важно отдавать себе отчет в том, что диалектологическая карта не всегда может дать ответ на все поставленные исследователем вопросы. Однако она имеет и целый ряд преимуществ по сравнению с другими диалектологическими жанрами исследований (например, с монографическим описанием одного диалекта): диалектологическая карта содержит сопоставимые сведения об определенных языковых характеристиках многих диалектов, расположенных на большой территории (ВСИ-3: 11).

определенных диалектных групп. Постановка подобных вопросов на основе интерпретации изоглосс всегда имеет предварительный и более или менее условный характер, их полное разрешение требует синтеза с показаниями памятников письменности и еще более детального изучения каждого явления в отдельности; необходимо также «учитывать характер ареала… при изучении вопросов, связанных с исследованием генезиса тех или иных диалектных групп» (Орлова 1961: 4, 5). А яркой иллюстрацией того, каким образом следует интерпретировать лингвогеографические работы по фонетике славянских диалектов, чтобы выявить целый ряд неизвестных ранее особенностей инести некоторые корректиивы в традиционные представления о фонетических явлениях, можно считать работу (Калнынь 1998).

Карты, представленные в четырех выпусках ВСИ, дают возможность конструирования изоглосс отдельных явлений и пучков изоглосс. Пучки изоглосс рассматриваются в данном труде и как реальный инструмент для членения современного восточнославянского диалектного континуума¹⁰, и как средство, помогающее получить определенную диахроническую информацию. Данное обстоятельство обусловлено тем, что пучки изоглосс указывают прежде всего на наличие в *синхронном* плане единства некоторых структурных характеристик ряда говоров, объединенных территориально и образующих (в рамках единого восточнославянского ареала) *диалектные зоны* (подчеркнем, что каждая из зон объединяет лишь часть говоров и только по отдельным диалектным признакам). Однако такая синхронно единая диалектная зона содержит, как правило, *разные* с точки зрения хронологии явления, следовательно, и изоглоссы, очерчивающие зону, обозначают границы распространения разновременных диалектных признаков. В связи с этим, с одной стороны, в диалектной зоне моделируется определенная синхронная лингвистическая ситуация (позволяющая дать данной зоне квалификацию той или иной единицы диалектного членения восточнославянского континуума), а с другой – может быть реализована возможность реконструкции предшествующего состояния этой лингвистической ситуации (см. подробнее в Попова 2006). Именно вся содержащаяся в картах информация (дополненная и другими важными источ-

¹⁰ Необходимо при этом подчеркнуть, что авторы ВСИ придерживаются мнения о том, что, исходя только лишь из конкретной реализации какого-либо отдельного явления из области фонетики, морфонологии, морфологии, синтаксиса и лексики в восточнославянских диалектах (представляющей собой соотносительное различие именно данного отдельного явления), нельзя судить о действительно реальной дифференциации восточнославянского диалектного континуума. И только исследование в лингвогеографическом плане многих явлений, образующих совокупность соотносительных различий, может дать приближающееся к реальности, более или менее адекватное представление, во-первых, о современной дифференциации восточнославянского диалектного пространства, а во-вторых, о некоторых типологических характеристиках восточнославянских диалектов на фонетическом, морфонологическом, морфологическом, а, возможно, и лексическом уровнях (ВСИ-3: 10; см. также: Вендина 2009).

никами) интерпретируется в комментариях.

Из вышеизложенного вытекает, что ВСИ по *характеру комментирования карт* выходит за рамки чисто лингвогеографического источниковедческого труда (ср. ДАРЯ, АУМ, ДАБМ), поскольку одновременно с непосредственно лингвогеографическими задачами этот труд включает в себя и следующий, исследовательский (интерпретационный) этап работы над содержащимися в его картах диалектными материалами. Как указывалось выше, комментарии карт в ВСИ не только объясняют особенности построения карты и характеризуют качество материала (как это делается во всех типах атласов), но содержат и интерпретацию самих языковых явлений. Для этого анализируется диалектный ландшафт карты и привлекается вся доступная научная литература по картографируемому явлению (диалектные исследования всех жанров и работы по истории русского, украинского и белорусского языков), что позволяет авторам карт в ряде случаев обнародовать неизвестные ранее факты и внести серьезные коррективы в анализируемые вопросы. Существующие исследования по истории восточнославянских языков и диалектов помогают и в установлении относительной хронологии изоглосс. В связи с тем, что необходимость интерпретационного подхода к диалектному материалу – как отдельная задача – до сих пор при создании атласов не ставилась (ср., например, ДАРЯ, АУМ, ДАБМ), труд ВСИ представляет собой новый тип работы в области лингвогеографии, который совмещает источниковедческий и исследовательский (интерпретационный) аспекты.

Важно еще раз подчеркнуть, что изучение в лингвогеографическом плане восточнославянских диалектов во всей своей совокупности раскрывает многие явления в новом свете. При этом необходимо обратить специальное внимание на то, что именно лингвогеографическое исследование явлений разных уровней языковой системы в рамках восточнославянского континуума не только подтвердило некоторые известные и ранее науке факты, но и внесло существенные коррективы и дополнения в представление об их пространственном распространении и развитии.

Из сказанного следует, что труд ВСИ – это прежде всего собрание таких современных диалектных данных, которые могут рассматриваться в качестве источника для последующего изучения восточнославянской историко-лингвистической проблематики во всем ее объеме. Все карты ВСИ, на каждой из которых сведены воедино и переосмыслены синхронные диалектные явления трех современных восточнославянских языков, являются несомненным достижением современной лингвогеографии как науки.

Резюмируя вышеизложенное, подчеркнем еще раз основные положения, достигнутые при работе над ВСИ.

Теоретическая концепция, которая была использована при изучении диалектных явлений трех восточнославянских языков в аспекте лингвогеографии,

сформировалась на основе теории диалектологии и лингвогеографии, созданной Р.И. Аванесовым (см., например, Аванесов 1949; 1952; Вопросы 1962)¹¹. Центральной идеей данной концепции в применении к восточнославянским диалектам является признание того, что все восточнославянское диалектное пространство рассматривается в качестве *единого и целостного объекта лингвогеографического исследования*. Это означает, что общая совокупность диалектов трех восточнославянских языков интерпретируется как отдельная сложная система (т.е. *система диалектного языка*, или диасистема, являющаяся научным построением, конструктом). Ее структура состоит из общих для всех диалектов и варьирующихся (т.е. различающихся в отдельных частных диалектных системах – ЧДС) звеньев¹². Именно варианты, имеющие конкретную локальную характеристику, формируют диалектные различия (соответственные явления), которые составляют объект лингвогеографии и являются предметом картографирования.

Остановимся подробнее на понятии *восточнославянского диалектного языка* и на той *единице анализа*, с помощью которой в ВСИ исследуется диалектный язык.

В лингвогеографическом проекте ВСИ весь восточнославянский диалектный континуум интерпретируется при картографировании как *восточнославянский диалектный язык*, являющийся моделью этого континуума (аналогично *русскому диалектному языку* – см. определение Р.И. Аванесова, данное в сносках 12): и тот, и другой диалектные языки сконструированы на основе одних и тех же принципов, учитывающих только *конкретные диалектные признаки множества* (не менее двух) *реально существующих частных диалектных систем* (ЧДС). Однако важно понимать, что, с одной стороны, та степень обобщения и абстракции, которая характеризует диалектный язык (=диасистему), а с другой, – конкретность любой ЧДС (=моносистемы), обусловливают их принципиальное расхождение как объектов исследования. Ср. «Различие между частной диалектной системой и системой диалектного языка состоит в том, что первая представляет собой реальность в системе коммуникативных связей, вторая является чисто научным построением. Вслед-

¹¹ Ср.: «Теория лингвистической географии состоит из двух тесно связанных друг с другом и объединенных понятием диалектного различия отделов – картографирования и интерпретации карт» (Аванесов 1952: 26).

¹² Ср. определение, данное Р.И. Аванесовым для *русского диалектного языка*: «Русский диалектный язык в его пространственной проекции представляет сложное единство в многообразии. На любой территориальной точке он обладает своей системой. Системы диалектного языка на разных территориальных точках обладают, с одной стороны, чертами, общими для них, с другой стороны – чертами, их различающими. При рассмотрении системы диалектного языка на более или менее обширной территории обычно выделяются, с одной стороны, такие его части, которые характеризуются комплексом одинаковых черт... или соотносительных с ними черт..., с другой – такие, по которым проходят границы этих соотносительных черт, обычно неодинаковые» (Вопросы 1962: 9).

ствие этого частная диалектная система и система диалектного языка не сопоставимы на одной плоскости» (Калнынь 1970: 421–422).

Отсюда следует, что и единицы анализа диасистемы и моносистемы также различны.

Единицей изучения диалектного языка является «соответственное явление» (или «междиалектное соответствие»)¹³. По своему содержанию и функциональности «соответственное явление» – это оптимальная единица для лингвогеографического изучения диалектного языка, поскольку она сочетает в себе не только различающиеся по говорам элементы, которые изображаются на карте, но и постоянный, неварьирующийся по диалектам признак, который указан в названии карты. Так, например, карта, посвященная морфологической реализации такого грамматического признака как «Глагольная флексия 1 лица мн. числа настоящего времени», показывает локализацию всех конкретных морфологических диалектных реализаций этого грамматического признака, а именно: *м* (например, *носим*), *мо* (*носимо*), *ме* (*носиме*). Читая эту карту, мы знаем, что в ЧДС₁ *м* означает именно глагольную флексию 1 л. мн. наст., в ЧДС₂ *мо* означает также эту же флексию, в ЧДС₃ *ме* – является морфологической реализацией того же самого грамматического признака. При этом как *постоянный* содержательный признак (указанный в грамматическом определении темы-названия карты), так и *переменный, варьирующийся* по говорам признак (реализующий содержательную составляющую карты, образованный эквивалентными друг другу морфемами *м*, *мо*, *ме* и показанный с помощью соответствующих знаков на карте) являются *абстрактными единицами* (=диединицами)¹⁴.

¹³ Ср. определение Р.И. Аванесова: «Соотносительные различительные элементы разных частных диалектных систем выделяются именно как противопоставленные благодаря тому, что они находятся в определенных закономерных отношениях друг к другу, представляя собой *тождество в одном отношении и различие в другом*. Благодаря этим соотношениям такие различительные элементы образуют то, что мы... называем *соответственным явлением*. Последнее представляет собой *такой элемент общей системы языка, который в отдельных частных системах выступает в разных своих проявлениях, в разных своих членах*. Поэтому соответственное явление всегда двучленно или многочленно. При этом разные члены одного соответственного явления в принципе взаимно исключаются в одной частной системе и, на-против, замещают друг друга в разных частных системах, образуя *своего рода тождество в каком-либо отношении при одновременном различии в другом* (курсив везде мой – Т.П.)» (Вопросы 1962: 13–14).

¹⁴ Об этом очень точно писал Н.И. Толстой, используя данные лексико-семантической диалектной системы: «Границы микрополя определяются величиной семантической *«амплитуды колебания»* одной лексемы, которая называется опорной. Амплитуда колебания устанавливается в результате *диасеменного обследования*, т.е. выяснения, что значит данная лексема *во всех* привлекаемых для рассмотрения в синхронном плане диалектов или языков. В *конструированном* микрополе большинство лексем будут иметь определенную (большую или меньшую) амплитуду колебания. *Опорной* лексемой будет лексема с максимальной амплитудой колебания... Дифференциальные признаки, их количество и расположение выявляются в результате установления альтернаций *во всех* исследуемых диалектах, т.е. в итоге

Если тема карты не будет обозначена (т.е. в приводимом нами примере не будет указан в названии карты тот грамматический признак, морфологическая реализация которого должна быть изображена на карте), то знаки, соответствующие элементам (морфемам) *м*, *мо*, *ме*, окажутся для читателя карты совершенно не информативными. И только *сочетание* общего содержания (=постоянный признак) с его конкретной реализацией (=переменный признак) составляет понятие «соответственное явление» (или «междиалектное соответствие»). Это является доказательством того, что картографируемое «соответственное явление» – как основная метаединица исследования диалектного языка – включает в свой состав общие (постоянные) и переменные (варирующиеся) признаки, свидетельствуя при этом и о том, что *диалектный язык* (=диасистема, метаязык) является полной и исчерпывающей *моделью* описываемого *диалектного континуума* (при условии максимального охвата всех его признаков).

Таким образом, в лингвогеографии изучаются только те *постоянны*е для данного диалектного языка явления, которые имеют в частных диалектных системах *различную реализацию*. Те же *постоянны*е явления, которые во всех говорах реализуются *одинаково*, т.е. также *постоянно* (например, исход основы в глагольной форме 1 л. ед. наст. *несу*, который во всех говорах будет представлен согласным *с*), не входят в предмет лингвогеографии.

Остановимся на *методе* анализа диалектного материала в ВСИ. К исследованию материалов национальных атласов (ДАРЯ, АУМ и ДАБМ) и других работ (таких, как, например, ОЛА, лексические атласы русских, украинских и белорусских диалектов, статьи и материалы по истории и диалектологии восточнославянских языков/диалектов и под.), т.е. ко всем тем материалам, которые являются источником сведений по восточнославянским диалектам, был применен *метод (прием) рекартографирования*. Для этой цели была создана *сводная карта-бланковка*, на которой территория распространения диалектов трех восточнославянских языков представлена в виде единого пространства¹⁵. Эффективность и перспективность этого лингвогеографическо-

---

рассмотрения всего *диалекского и диасеменного инвентаря* (при учете соотношения «лексема: семема»)» (Толстой 1997: 54, 55). И далее: «Понятие «семенная нагрузка» относится к языку (конкретному диалекту), а «амплитуда колебания» – к языку описания ряда диалектов, т.е. к метаязыку (курсив везде мой – Т.П.)» (Там же: 98).

¹⁵ Следует специально подчеркнуть, что масштаб сводной восточнославянской карты-бланковки сравнительно небольшой. Поэтому показанные на ней явления даются в обобщенном виде, без тех многих деталей, которые имеются на картах национальных атласов (ДАРЯ, АУМ и ДАБМ). Основная задача данной сводной восточнославянской карты заключается в том, чтобы представить ареалы, образованные важнейшими противопоставленными в пространстве вариантами картографируемого явления, определить их локализацию, понять тенденцию развития картографируемого явления и выявить наиболее существенные восточнославянские изоглоссы. В результате сопоставления картографируемых данных на сводных картах ВСИ (это многие явления разных уровней языковой системы) конструи-

го метода заключается в том, что, *не замыкаясь в границах одного языка*, он дает возможность: расширить пространство лингвистических наблюдений и глубже проникнуть в суть анализируемых явлений¹⁶; дать типологическую характеристику современного (середина XX в.) диалектного ландшафта Восточной Славии; выявить инновационные и архаические зоны в данном ареале; раскрыть пути развития во времени и в пространстве того или иного явления; определить и объяснить сходства и различия между восточнославянскими диалектами; ответить на вопрос о том, в какой степени статус отдельного современного восточнославянского языка (русского, украинского и белорусского) обусловлен как собственно структурно-лингвистическими, так и экстравербальными причинами.

Метод рекартографирования, показывающий пространственную проекцию диалектных явлений, облегчает их сопоставление. Кроме того, он «позволяет реально увидеть пространственные отношения славянских диалектов и эксплицировать их ареальные связи» (Вендина 2009: 25), а также определить и обозначить на сводной восточнославянской карте неизвестные ранее ареалы (наряду с описанными уже в работах по лингвогеографии отдельных восточнославянских языков и в ОЛА), которые образованы различными диалектными явлениями (фонетическими, морфонологическими, морфологическими, словообразовательными, синтаксическими и лексическими). Многие из этих ареалов локализуются не в пределах одного языка (русского, украинского, белорусского), а распространяются на соседние территории родственных языков, что подтверждает важнейший тезис лингвогеографии о нерелевантности понятия «языковая граница» в пределах определенного (в данном случае – восточнославянского) диалектного пространства. Все выявленные и показанные на картах ВСИ ареалы/диалектные зоны в своей совокупности составляют *единий восточнославянский диалектный континуум*, а каждый из них является неотъемлемой его частью. Именно в результате лингвогеографического исследования диалектных явлений на большой (восточнославянской) территории найдены важные аргументы для убедительной интерпретации известных и неизвестных ранее фактов, относящихся к современному состоянию и истории развития не только отдельных явлений, но и отдельных восточнославянских говоров¹⁷.

руются пучки изоглосс, которые дают возможность представить в общих чертах членение восточнославянского диалектного континуума.

¹⁶ О достоинствах и преимуществах метода рекартографирования в применении к изучению языковой ситуации в рамках большого ареала, образованного диалектами нескольких языков, см. также в (Вендина 2009: 8-12, 22-24).

¹⁷ Говоря о безусловных достоинствах лингвогеографического изучения диалектов, необходимо при этом сознавать чрезвычайную важность наличия качественного исходного материала, что предполагает его полноту и содержательную сопоставимость. Однако, к сожалению, в ряде случаев приходится иметь дело с неравнозначным с точки зрения объема и содержательности материалом из диалектов отдельно русского, украинского и белорусского

Сочетание указанных теории и методики при изучении восточнославянских диалектов – это гарантия того, что сводные восточнославянские карты не являются простой суммой однозначных карт из трех национальных атласов; они представляют собой карты особого типа, на которых территориальное распространение членов соответственного явления переосмыслено в аспекте его функционирования в рамках *всего* современного восточнославянского диалектного пространства как *целого*.

Кроме того, важно отметить, что лингвогеографическое изучение восточнославянских диалектов в ВСИ дает возможность обратить внимание на ряд спорных или нерешенных вопросов, которые на протяжении длительного времени в силу разных причин не привлекали специального внимания исследователей. Например: а) выявление критериев, определяющих степень вокальности/консонантности фонетических систем; б) последствия взаимодействия парадигм настоящего времени глаголов I и II спряжений на губной типа *дремать, кормить*; в) различия по говорам в развитии тенденций аналитизма и др.

В результате изучения материала по восточнославянским диалектам был сделан важный *вывод*, имеющий принципиальное значение в развитии *теории лингвогеографии*. Выше отмечалось, что все общие и вариативные звенья в рамках восточнославянского диалектного пространства имеют только один статус – статус *диалектных* признаков, которые характеризуют единый, не расчлененный на отдельные языки *восточнославянский диалектный континуум*. В этом континууме в характеристике любого явления информация о его принадлежности тому или иному языку (русскому, украинскому, белорусскому) является нерелевантной; здесь каждое из явлений имеет только одну значимость – значимость *диалектного восточнославянского явления*. В результате *диалектные (восточнославянские) признаки* по своему статусу отличаются от тех общих и варьирующихся звеньев, которые рассматриваются в *границах отдельных языков*: они также являются *диалектными признаками*, но имеют еще и языковую характеристику – по своей принадлежности либо к русскому языку, либо к украинскому, либо к белорусскому. Следовательно, в рамках *восточнославянского диалектного континуума* *все лингвистические признаки являются только диалектными* (с элиминированной языковой характеристикой). В наибольшей степени продуктивность и практическая значимость данного принципа проявилась при исследовании диалектной ситуации в зонах пограничий (украинско-белорусского, русско-белорусского,

---

языков. Именно в этом обстоятельстве кроется причина различной степени детализации материала на карте в разных частях восточнославянского диалектного пространства при картографировании некоторых явлений (см., например, ВСИ-2 1998: 35, 38 – карта; ВСИ-4 2006: 117 – карта № 2). Отсюда следует, что в идеале лингвогеографическое картографирование должно основываться на таком диалектном материале, который полностью отвечает критерию сопоставимости.

русско-украинского, русско-украинско-белорусского).

Весь восточнославянский диалектный континуум образует целостный восточнославянский *аreal*. Включение того или иного диалектного явления, исследованного ранее лишь на материале одного восточнославянского языка, в границы восточнославянского ареала, имеет очень важное значение для получения наиболее адекватной его характеристики. При картографировании большая территория восточнославянского ареала в сочетании с определенным набором диалектных различий позволяет по-новому интерпретировать расположение и конфигурацию диалектных зон, очерченных изоглоссами, по-иному оценить тенденции развития диалектного явления и его связи с другими явлениями, переосмыслить традиционные представления об истории формирования некоторых особенностей каждой из диалектных зон восточнославянского диалектного пространства и пр. Р.И. Аванесов неоднократно подчеркивал важность исследования диалектного явления, зафиксированного, например, в рамках одной частной диалектной системы (ЧДС), в контексте всего диалектного континуума, в который данная ЧДС входит. Именно такой подход помогает увидеть и в отдельных (даже изолированных) фактах проявление системности языка.

В ВСИ при исследовании диалектных явлений в пространственном аспекте они получали в ряде случаев и диахроническую интерпретацию. Еще в 1958 г. в докладе на IV МСС Р.И. Аванесов обращал внимание на то, что «лингвистическая география имеет дело с сосуществующими современными фактами языка на разных территориях. Однако она имеет право на существование едва ли не в виду ее *исключительно большого значения для генетического, диахронического языкоznания*» (Аванесов, Бернштейн 1958: 4)¹⁸. Поэтому диалектологическая карта (как основной объект исследования в ВСИ), на которой представлено то или иное явление, в ареалогическом плане может рассматриваться как отражение фрагмента исторического процесса столкновения и смешения языковых потоков различной хронологии и географии. В комментариях к картам дается интерпретация сложной картины синхронного соотношения диалектных зон различных типов (компактных, кружевых, островных и т.д.), имеющих свою определенную локализацию и лингвистическую характеристику. Для дополнительного получения диахронических данных используются все доступные исторические источники.

Необходимо также отметить, что одной из главных задач в работе над ВСИ является *интерпретация изоглосс* – и не только изоглосс отдельных явлений, но и пучков изоглосс, образованных разными явлениями (как в содержательном плане, так и в плане диахроническом). Пучки изоглосс рассматриваются

---

¹⁸ Ср. определение лингвогеографии О.Н. Трубачевым: «Лингвистическая география не сводится к картографированию, будучи сугубо исторической наукой, а значит это не составление атласов, а их интерпретация, использующая понятия ареала, изоглоссы, очага распространения и такой критерий, как обращенность в прошлое» (Трубачев 2000: 13).

как реальный инструмент для членения современного восточнославянского диалектного континуума и как средство, помогающее получить определенную диахроническую информацию. Однако авторы ВСИ отдают себе отчет в том, что, исходя только лишь из конкретной диалектной реализации какого-либо одного отдельного явления (представляющего собой соотносительное различие именно данного явления), нельзя судить о действительно реальной дифференциации восточнославянского диалектного континуума. И только исследование многих явлений, образующих совокупность соотносительных различий, может дать приближающееся к реальности, более или менее адекватное, представление, во-первых, о современной дифференциации восточнославянского диалектного пространства, а во-вторых, о некоторых типологических характеристиках восточнославянских диалектов на фонетическом, морфонологическом, морфологическом, лексическом (а, возможно, также и на синтаксическом) уровнях.

При изучении изоглосс особо важное значение имеет и анализ их локализации, а также определение их роли в выделении *ареалов*. В данном случае область лингвогеографии расширяется за счет выхода в другую, смежную с ней, область – ареалогию. При интерпретации ареалов релевантными признаками являются такие характеристики, как локализация ареала, пространственная совмещённость его с другими ареалами (контактная, дистантная), лингвистическое содержание ареала, степень полноты (насыщенности) или разреженности реализованного на его территории явления и т.д. (ср. исследование многообразных соотношений разных типов ареалов, образованных лексико-семантическими явлениями, в Вендина 2009).

Работа над ВСИ показала, что большой интерес представляет ситуация, сложившаяся в украинском языке. Необходимость специального исследования этого феномена обусловлена тем, что ареал, образованный *украинскими диалектами*, по совокупности многих явлений выделяется (на фоне других ареалов) в рамках всего восточнославянского лингвистического пространства в целом. Очевидно, что синхронная интерпретация известной «обособленности» украинских диалектов потребует серьезного привлечения диахронических данных. Можно надеяться, что сочетание двух таких составляющих, как изучение лингвогеографической картины украинского ареала и знание путей развития тех или иных явлений во времени и в пространстве, приведет к пониманию причин этой «обособленности».

Кроме того, работа над ВСИ позволила обратить внимание на одну, несомненно актуальную, проблему, которая до сих пор не являлась в лингвистике предметом специального исследования. Речь идет о целесообразности *совместного* изучения *одинаковых* явлений в *разговорной речи* восточнославянских литературных языков, с одной стороны, и в *восточнославянских диалектах*, с другой, в связи с тем, что как устные формы литературных языков, так и восточнославянские диалекты являются, по

нашему мнению, некодифицированными разновидностями одного и того же восточнославянского лингвистического пространства, и этот факт может служить аргументом в пользу признания общего генезиса данных одинаковых явлений. Указанная тема представляется чрезвычайно важной в контексте общей глобализации, повысившей социальную значимость разговорной речи носителей литературного языка.

Оценивая в целом такой труд как ВСИ, необходимо подчеркнуть, что по характеру комментирования карт он, в отличие от атласов, выходит за рамки чисто лингвогеографического источниковедческого труда. ВСИ одновременно с непосредственно лингвогеографическими задачами включает в себя и следующий, исследовательский (интерпретационный), этап работы. Комментарии карт в нем не только объясняют особенности построения карты и характеризуют качество материала (как это делается во всех типах атласов), но содержат и разностороннюю интерпретацию самих языковых явлений. Для этого анализируется диалектный ландшафт карты и привлекается вся доступная научная литература по картографируемому явлению (т.е. диалектные исследования всех жанров и работы по истории русского, украинского и белорусского языков). В связи с тем, что необходимость интерпретационного подхода к диалектному материалу – как отдельная задача – до сих пор при создании атласов не ставилась (ср., например, ДАРЯ, АУМ, ДАБМ), труд ВСИ представляет собой *новый тип* работы в области лингвогеографии, который совмещает источниковедческий и исследовательский (интерпретационный) аспекты.

Из сказанного следует, что лингвогеографический проект ВСИ может рассматриваться в качестве важного источника для последующего изучения историко-лингвистической проблематики Восточной Славии во всем ее объеме¹⁹. Все карты, на каждой из которых сведены воедино и переосмыслены синхронные диалектные явления трех современных восточнославянских языков, являются несомненным достижением лингвогеографии как науки.

В 4-х выпущенных из печати выпусках ВСИ (1995, 1998, 2000, 2006 гг.) одна из центральных задач, направленная на выявление закономерностей, характерных для восточнославянского диалектного континуума в прошлом и настоящем, решалась путем исследования в лингвогеографическом и историческом

---

¹⁹ Необходимо еще раз отметить, что в настоящее время лингвогеографическое изучение восточнославянских диалектов продолжается. Российскими и украинскими диалектологами подготовлена к изданию коллективная монография «Восточнославянские диалекты в лингвогеографическом аспекте. Теория и практика исследования». Ожидается, что с 2011 г. в работе над этой темой примут участие и белорусские коллеги. Можно быть уверенными в том, что соединение в одном научном коллективе российских, украинских и белорусских ученых для исследования вопросов, входящих в широкую историко-культурную проблематику восточного славянства, принесет свои положительные результаты.

аспектах целых блоков фонетических, морфонологических, морфологических, синтаксических и лексических явлений. В результате в научный оборот был впервые введен большой корпус явлений, представленных во всех своих диалектных вариантах на картах восточнославянской территории. Каждое из этих явлений, как указывалось выше, было всесторонне изучено в лингвогеографическом и описательном аспектах. Сопоставление карт на отдельные явления, анализ пространственного расположения пучков изоглосс в рамках восточнославянского диалектного континуума, а также интерпретация выделенных пучками изоглосс ареалов с точки зрения их лингвистического содержания, величины охваченной территории и локализации – все это позволило не только констатировать наличие ярко выраженной дифференцированности восточнославянских диалектов, но и обосновать существование их единства и целостности (о реальности такого феномена как «восточнославянское языковое/диалектное единство в многообразии» неоднократно говорил О.Н. Трубачев). Данный вывод убедительно иллюстрируется приведенными в опубликованных 4-х выпусках ВСИ картами, на которых показан весь известный к настоящему времени диапазон восточнославянских диалектных вариантов тех явлений, которые явились предметом исследования в научном труде ВСИ.

Были исследованы следующие явления:

I. ФОНЕТИКА

1. Ударение формы *l*-причастия женского рода единственного числа от глаголов подвижной акцентной парадигмы от односложных основ на гласный типа *брала*, *дала* (С.Л. Николаев, 1 вып., 1995).
2. Рефлексия праславянского латерального сонанта (*l) (Л.Э. Калнынь, 1 вып., 1995).
3. Рефлексы *ē под ударением (А.В. Тер-Аванесова, 4 вып., 2006).
4. Рефлексы *a и *ē под ударением (А.В. Тер-Аванесова, 1 вып., 1995).
5. Гласные на месте редуцированных *ī и *ū (Н.Н. Пшеничнова, 1 вып., 1995).
6. Согласные на месте древнерусских [ш' т' ш'], [ж' д' ж'] (Н.Н. Пшеничнова, 2 вып., 1998).
7. Фонетические диалектные различия, обусловленные рефлексией праславянских сочетаний плавных сонантов с редуцированными гласными (Л.Э. Калнынь, 3 вып., 2000).
8. Новые сочетания с /j/ (Н.Н. Пшеничнова, 4 вып., 2006).
9. Утрата [j] и стяжение гласных в глагольных формах (Н.Н. Пшеничнова, 2 вып., 1998).
10. Утрата интервокального [j] и стяжение гласных в формах прилагательных (Н.Н. Пшеничнова, 3 вып., 2000).
11. Гласные предударного слога (Л.Э. Калнынь, 4 вып., 2006).
12. Отношение к признакам вокальность/консонантность в фонетике восточнославянских диалектов (Л.Э. Калнынь, 3 вып., 2000).
13. Сочетания взрывных губных и зубных согласных с назальными сонантами (Л.Э. Калнынь, 2 вып., 1998).
14. Протетические согласные перед лабиализованными гласными (Л.Э. Калнынь, 2 вып., 1998).

Следует отметить, что карты фонетического раздела по своей тематике можно разделить на два подраздела: в один из них, больший по объему, входят те карты, тематика которых ориентирована на диахронию (в них картографируются современные диалектные рефлексы прайформ, например, «рефлексы *ɛ», «рефлексы сочетаний типа *tъrt» и т.п.); в другой – те карты, тематика которых ориентирована на синхронию (в них картографируются современные диалектные различия, не обусловленные общим происхождением, например, «гласные предударного слога» и т.п.).

II. МОРФОНОЛОГИЯ

1. Морфонологическая характеристика консонантного исхода основы в парадигме настоящего времени глаголов I спряжения типа русск. лит. *печь, беречь* (Т.В. Попова, 1 вып., 1995).
2. Морфонологическая характеристика консонантного исхода основы в парадигме настоящего времени глаголов II спряжения типа рус. лит. *платить* (Т.В. Попова, 2 вып., 1998).
3. Морфонологическая характеристика консонантного исхода основы в парадигме настоящего времени глаголов II спряжения типа рус. лит. *любить* (Т.В. Попова, 2 вып., 1998).
4. Морфонологические особенности склонения имен существительных с основой на за-днеязычный согласный (Л.Е. Лопатина, А.В. Тер-Аванесова, 3 вып., 2000).

III. МОРФОЛОГИЯ

1. Флексия глагольной формы 3-го лица единственного числа настоящего времени (Т.В. Попова, 2 вып., 1998).
2. Конечные /т/, /т'/ и /θ/ в глагольных формах 3 лица множественного числа настоящего времени (Т.В. Попова, 4 вып., 2006).
3. Глагольная форма 1 лица множественного числа настоящего времени (Т.В. Попова, 4 вып., 2006).
4. Формы инфинитива от глаголов с основой на /к,г/ типа рус. лит. *печь, беречь* (Т.В. Попова, 3 вып., 2000).
5. Формы инфинитива от глаголов с основой на гласный типа рус. лит. *ходить, видеть, знать, писать* (Т.В. Попова, 3 вып., 2000).
6. Формы инфинитива от глаголов с основой на согласный типа рус. лит. *плести, вести, грести и класть, прясть, грызть* (Т.В. Попова, 3 вып., 2000).
7. Флексии звательного падежа (Н.Л. Голубева, 2 вып., 1998).
8. Средства выражения значения вокатива (Н.Л. Голубева, 1 вып., 1995).
9. Флексии творительного падежа множественного числа существительных (С.К. Пожа-рицкая, 3 вып., 2000).
10. Отражение флексии *nom.-acc. dualis* в счетной форме существительных *a*-склонения и *o*-склонения среднего рода (А.В. Тер-Аванесова, 3 вып., 2000).
11. Окончания родительного, дательного и местного падежей единственного числа су-ществительных *a*-склонения (А.В. Тер-Аванесова, 2 вып., 1998).

12. Образование падежных форм дательного, творительного, местного единственного числа существительных женского рода типа *соль*, *грязь*, *печь*, *кровь*, *мать* (Т.В. Попова, 1 вып., 1995).
13. Словоформы творительного падежа единственного числа существительных женского рода с флексией ‘гласный + [ў/в]’ (типа *сóлеў*, *сól'оў*, *с'ileў*, *с'il'оў*) в современных юго-западных украинских говорах (Т.В. Попова, 1 вып., 1995).
14. Формы творительного падежа числительного *два* (Н.П. Прилипко, 1 вып., 1995).
15. Указательные местоимения, соответствующие рус. лит. *тот* – *этот* (Н.Л. Голубева, 3 вып., 2000).

IV. СИНТАКСИС

1. Предикативное употребление деепричастий на *-ии* (Л.Е. Лопатина, 1 вып., 1995).
2. Объективно-целевые конструкции (типа *по бабушку*, *по грибы*) (Л.Е. Лопатина, 1 вып., 1995).
3. Употребление предложно-падежных сочетаний типа *по лесам* – *по лесах* (Л.Е. Лопатина, 2 вып., 1998).
4. Родительный падеж в функции прямого объекта (Л.Е. Лопатина, 2 вып., 1998).
5. Сочетания типа *у меня болит голова* – *мне галава баліць* (бел.) (Л.Е. Лопатина, 2 вып., 1998).
6. Словосочетания числительных *два*, *три*, *четыре* с существительными (Л.Е. Лопатина, 2 вып., 1998).
7. Конструкции типа рус. *корова (корову)* *подоено*, бел. *грыбы пазбирана*, укр. *гроши узято* (Л.Е. Лопатина, 3 вып., 2000).
8. Формы винительного падежа множественного числа одушевленных существительных (Л.Е. Лопатина, 3 вып., 2000).

V. ЛЕКСИКА

1. Названия ‘деревянной посуды, в которой растворяют тесто’ (И.А. Букринская, О.Е. Кармакова, 2 вып., 1998).
2. Названия частей плуга: 1. ‘лемех’, 2. ‘отвал’ (Г.П. Клепикова, 3 вып., 2000).
3. Названия ‘орудия для ручной молотьбы и его деревянных частей’ (И.А. Букринская, О.Е. Кармакова, 4 вып., 2006).
4. Названия: 1. ‘валька для выколачивания белья’ и 2. ‘[озимых] всходов зерновых культур’ (Г.П. Клепикова, 2 вып., 1998).
5. Названия ‘укладок снопов (в поле)’ (Г.П. Клепикова, 4 вып., 2006).
6. Глаголы со значением ‘возделывать землю с помощью орудий (рала, сохи, плуга)’ (И.А. Букринская, О.Е. Кармакова, 1 вып., 1995).
7. Названия ‘белки *Sciurus*’ (Г.П. Клепикова, 2 вып., 1998).
8. Названия ‘петуха’ (Г.П. Клепикова, 2 вып., 1998).
9. Названия ‘кукушки’ (Г.П. Клепикова, 2 вып., 1998).
10. Названия ‘муравьев’ (Г.П. Клепикова, 3 вып., 2000).
11. Названия ‘радуги’ (И.А. Букринская, О.Е. Кармакова, 1 вып., 1995).

12. Наречия со значением ‘очень’ (Г.П. Клепикова, 1 вып., 1995).

VI. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

1. Восточнославянские изоглоссы (С.В. Бромлей, 4 вып., 2006).
2. Введение (Т.В. Попова, 1 вып., 1995).
3. Предисловие (Т.В. Попова, 2 вып., 1998).
4. Предисловие (Т.В. Попова, 3 вып., 2000).
5. Предисловие (Т.В. Попова, 4 вып., 2006).
6. Дифференциация восточнославянского диалектного континуума и «Общеславянский лингвистический атлас» (Г.П. Клепикова, 4 вып., 2006).

Кроме того, многие явления, характеризующие восточнославянские диалекты, были рассмотрены в статьях, опубликованных в других изданиях (например, в ИСД, ОЛА МИ, Материалы и исследования по русской диалектологии, Русский язык в научном освещении и др.).

Можно надеяться, что материалы всех 4-х выпусков коллективного труда ВСИ представляют собой надежный источник по диалектологии, который в настоящее время уже нельзя не учитывать при разработке целого ряда вопросов восточнославянского глоттогенеза и этногенеза²⁰.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов 1949 – *Аванесов Р.И.* Очерки русской диалектологии. М., 1949.
- Аванесов 1952 – *Аванесов Р.И.* Лингвистическая география и история языка // ВЯ, 1952, № 6.
- Аванесов, Бернштейн 1958 – *Аванесов Р.И., Бернштейн С.Б.* Лингвистическая география и структура языка. О принципах Общеславянского лингвистического атласа. Доклад на IV МСС. М., 1958.
- АУМ 1 – Атлас української мови. Ч.І. Київ, 1984.
- АУМ 2 – Атлас української мови. Ч.ІІ. Київ, 1988.
- АУМ 3 – Атлас української мови. Ч.ІІІ. Київ, 2001.

²⁰ Развивая высказываемое неоднократно мнение Р.И. Аванесова о важности для выводов исторического характера соединения лингвогеографических сведений с данными истории, исторической географии и археологии, В.В.Иванов в рецензии на 2-ой выпуск ВСИ пишет: «Лингвистическая география, обладая достаточно разработанной методикой исторической интерпретации современных изоглосс, зачастую не вызывающей серьезных возражений, все же одна, самостоятельно, не может сыграть решающей роли в решении историко-диалектологических задач, в реконструкции истории отдельных диалектных явлений и тем более – в реконструкции истории диалектов как территориально-языковых единиц, в построении исторической диалектологии какого-либо языка. Данные лингвистической географии должны быть объединены с данными других источников, и прежде всего – с данными памятников письменности прошлых эпох как вторым лингвистическим источником истории языка. Только при таком объединении (с учетом данных смежных наук – археологии, истории, исторической географии, этнографии) можно надеяться на успех в реконструкции истории диалектных явлений и в истории диалектов» (Иванов 2003: 149–150).

- Бромлей 1985 – *Бромлей С.В.* Восточнославянские языки как объект лингвогеографии // Восточные славяне. Языки. История. Культура. К 85-летию акад. В.И. Борковского. М.: Наука. 1985. С. 172–179.
- Букринская, Кармакова 2003 – *Букринская И.А., Кармакова О.Е.* Противопоставление центральных и периферийных ареалов в восточнославянской лингвогеографической традиции // К XIII Международному съезду славистов. Славянское языкознание. Материалы конференции. (Москва, июнь 2002). Отв. ред. А.М. Молдован. ИРЯ РАН. М., 2003.
- Букринская и др. 2008 – *Букринская И.А., Кармакова О.Е., Тер-Аванесова А.В.* Говоры белорусско-русского пограничья // ИСД. 13. Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем). Отв. ред. Л.Э. Калнынь. ИСЛ РАН. М., 2008.
- Вендина 2009 – *Вендина Т.И.* Русские диалекты в общеславянском контексте. М., 2009. С. 531.
- Вопросы 1962 – Вопросы теории лингвистической географии. Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1962.
- ВСИ 1995 – Восточнославянские изоглоссы 1995. Отв. ред. Т.В. Попова. «Наука». М., 1995.
- ВСИ-2 1998 – Восточнославянские изоглоссы. Вып. 2. Отв. ред. Т.В. Попова. М., 1998.
- ВСИ-3 2000 – Восточнославянские изоглоссы. Вып. 3. Отв. ред. Т.В. Попова. М., 2000.
- ВСИ-4 2006 – Восточнославянские изоглоссы. Вып. 4. Отв. ред. Т.В. Попова. М., 2006.
- ДАБМ – Дыялекталагічны атлас беларускай мови. Мінск, 1963.
- ДАРЯ I 1986 – Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Выпуск I. Фонетика. Карты. М., 1986.
- ДАРЯ-II 1989 – Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Выпуск II. Комментарии к картам. Морфология. М., 1989.
- ДАРЯ III – Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Выпуск III. Синтаксис. Лексика. М., 1996.
- Иванов 2003 – [Рец.]. *Иванов В.В. И.А. Букринская, Н.Л. Голубева, Л.Э. Калнынь, О.Е. Кармакова, Г.П. Клепикова, Л.Е. Лопатина, Т.В. Попова, Н.Н. Пшеничнова, А.В. Тер-Аванесова.* Восточнославянские изоглоссы, выпуск 2. М., 1998, 319 с. // ОЛА МИ 1997-2000. М., 2003.
- Калнынь 1998 – *Калнынь Л.Э.* Диалектная карта как инструмент изучения особенностей славянского диалектного континуума // ИСД 5. Актуальные проблемы славянской лингвогеографии. М., 1998. С. 8-65.
- Калнынь 2002 – *Калнынь Л.Э.* Восточнославянская лингвогеография и ее отношение к славянскому континууму // ИСД 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. М., 2002. С. 11–17.
- Орлова 1961 – *Орлова В.Г.* Русско-белорусские языковые отношения по данным атласов // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. II. «Наука». М., 1961.
- Попова 2006 – *Попова Т.В.* К вопросу об интерпретации восточнославянских изоглосс // ОЛА Материалы и исследования. 2003–2005. Отв. ред. Т.И. Вендина. М., 2006.
- Попова 2006а – *Попова Т.В.* Синхронная и диахроническая интерпретация северо-вост-

- точных и юго-западных изоглосс восточнославянского диалектного континуума // Славистика: диахрония и синхрония. М., 2006.
- Попова 2007 – *Попова Т.В.* «Восточнославянские изоглоссы»: некоторые итоги работы над темой // Русский язык в научном освещении, № 1 (13). ИРЯ РАН. Языки славянской культуры. М., 2007.
- Попова 2008 – *Попова Т.В.* О диалектной ситуации в зоне украинско-белорусского по-граничья // ИСД. 13. Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем). Отв. ред. Л.Э. Калнынь. М., 2008.
- Трубачев 1983 – *Трубачев О.Н.* Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики // Славянское языкознание. IX МСС. Доклады советской делегации. М.: Наука.1983.
- Трубачев 2000 – *Трубачев О.Н.* Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // ВЯ, № 5, 2000. С. 4–27.